

ИСТОРИЯ КАК СТРОГАЯ НАУКА: ОПЫТ СЦИЕНТИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ТРУДАХ Б.Ф. ПОРШНЕВА¹

В статье рассматривается опыт сциентизации исторического знания на примере разработанной Б.Ф. Поршневым концепции международных отношений в период Тридцатилетней войны. Прослеживается связь этой концепции со структурализмом, а также переклички между фундирующей ее историософией и теориями Т. Гоббса (проблема возникновения социальности), К. Шмитта (концепция "друг/враг") и Р. Арона (социология международных отношений). В ходе анализа аргументативной структуры естественнонаучных импликаций концепции Поршнева (понятия "синхронии" и "диахронии" исторического процесса, концепция "исторического эксперимента"), которая характеризуется как аксиоматическая, делается вывод о том, что настойчивое стремление автора к научной строгости и ригидности понятийно-категориального аппарата приводит к противоположному эффекту – метафоризации языка.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев, сциентизация, структурализм, исторический эксперимент, Тридцатилетняя война

Проблема сциентизации исторического знания как часть более глобального сюжета, связанного с возможностями и ограничениями междисциплинарного синтеза, представляет особый интерес. С одной стороны, историки находятся в ситуации постоянной саморефлексии относительно границ и возможностей собственного познания и своего положения в системе научного знания, даже если это явно не тематизируют. С другой стороны, прошлое периодически становится ресурсом для разных наук, пытающихся апроприировать исторический аргумент в различных контекстах – с разной степенью убедительности. От комплекса неполноценности, стимулирующего сближение исторического знания с моделью научности, характерной для естествознания, до антисциентистского нарративизма в духе Х. Уайта, теоретизирующие историки на протяжении XX века нередко бросались из крайности в крайность. Polemika вокруг проблемы отношения истории и теории, а также рефлексия о природе исторического знания и статусе исторического объяснения была связана с тремя задачами: 1) (само)легитимацией, 2) определением метода, 3) демаркацией границ². Стратегия сциентизации, т.е. приведения исторического знания в соответствие со стандартами естественных и/или точных наук, оказалась одним из вариантов борьбы по трем

¹ Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

² Lorenz 2011. P. 15.

указанным фронтам в баталиях за теорию в исторической дисциплине и за то, какой именно эта теория должна быть. *Casus belli* этих теоретико-методологических дебатов – понятие «объективности», ставшее еще с середины XIX в. камнем преткновения во всех теоретических дискуссиях вокруг природы исторического знания³.

Если в рамках позитивистского проекта речь шла о роли истории как собирательницы эмпирических данных для обобщающей дисциплины – социологии, – то в XX в. активно предпринимаются попытки «поднять» историю до уровня теоретической дисциплины, способной к самостоятельной формулировке закономерностей, к производству теоретических обобщений. Пик интереса к сциентизации приходится на конец 1950-х – 1960-е гг., и сходит на нет уже к 1970-м. Однако первые исторические работы, претендующие на открытие с закономерностью исторического процесса, начинают появляться еще раньше – с 1920-х гг. Если в зарубежной историографии это было связано с популярностью неопозитивизма, в рамках которого К. Гемпелем был предложен известное философское обоснование для сциентизации исторического знания⁴, то в СССР немаловажную роль сыграл политический контекст – тут и господство формационной теории, которая подразумевает признание определенной картины исторического процесса и его закономерностей, и особый статус естественнонаучного знания, который оно приобрело в контексте технологического оптимизма и марксистской веры в прогресс.

Большую часть разговоров на тему повышения градуса научности исторического знания можно, в общем, свести к трем категориям. Подобного рода дискуссии: 1) либо оставались просто риторикой или дискурсивной уловкой: риторика научности могла и не затрагивать по существу ни методологического аппарата, ни исследовательской оптики историка⁵; 2) либо велись философами, претендующими на роль методологов истории, которые, в свою очередь, никогда не занимались собственно историческими исследованиями⁶, и историками, теоретическая рефлексия которых на эту тему не находила отражения в их конкретных исследованиях⁷; 3) либо же – и этот сценарий оказался самым жизнеспособным – «онаучиванию» отводилась сугубо вспомогательная роль⁸. Исследователи, обращающие внимание на феномен «онаучивания» в со-

³ Novick 1988; Rethinking Objectivity...; Дастон 2007. С. 37-71; Дастон, Галисон 2018.

⁴ Гемпель 1998. С. 16-31; Hempel 1965.

⁵ Примером может служить советское источниковедение 1930-х гг., в котором эта риторика принимала форму «скрытой битвы за профессионализм историков». – Медушевская 1996. С. 63.

⁶ Грушин 1961; Федосеев, Францев 1964.

⁷ История и социология...

⁸ Имеется в виду клиометрика в том виде, в каком она была разработана в СССР И.Д. Ковальченко. См.: Количественные методы в исторических исследованиях...

ветской историографии 1950–1960-х гг., обычно не идут дальше констатации указанных трех вариантов «дискурса». Между тем, сциентизация была не просто данью моде на фоне увлечения структурализмом или только очередной, инициированной «сверху», политико-идеологической кампанией. Были авторы, разрабатывавшие эту проблематику последовательно и всерьез. Один из них – Борис Федорович Поршнева.

Интерес к фигуре Поршнева, причем всё возрастающий, – феномен, любопытный сам по себе. Мы не разделяем оптимизма ряда исследователей (А. Магун, В. Рыжковский)⁹ по поводу актуальности научно-философских взглядов Поршнева. Случай его интересен скорее в качестве негативного примера, что связано с двумя контекстами: во-первых, анализ провала большого поршневого проекта – амбициозно озаглавленного автором *Критикой человеческой истории* – являет собой предостережение против популярных попыток написать *Big History*¹⁰; с другой стороны, наследие Поршнева – артефакт тех далеких времен, когда то, что сегодня называется *historical natural science*¹¹, мыслилось не просто как раздел естественнонаучного знания, имеющий отношение к геологии, биологии, астрономии, палеонтологии, археологии, но в контексте идеи синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. Фокусируясь на начальном этапе истории термина *historical science*, полезно обратиться к наследию Поршнева в форме размышления об особенностях стратегий сциентизации исторического знания в советском интеллектуальном ландшафте¹². Такая точка зрения позволяет поставить вопрос об эффективности различных стратегий «онаучивания» истории.

Подход Б.Ф. Поршнева можно условно назвать *аксиоматическим*. Для него характерен заранее заданный набор апорий, следовательно – приоритет теории, можно даже сказать – её диктат. Этот подход принципиально отличается от сциентизации в стиле математизации истории, в частности – от подхода М.А. Барга, который, также разделяя энтузиазм в отношении структурного метода, предпринимал попытки идти в практике «онаучивания» историописания обратным путём: от конкретно-исторического материала к теоретическим обобщениям¹³.

Пик творчества Поршнева приходится на 1940–1960-е гг., время увлечения структурализмом и поиска путей сближения исторического знания с естественнонаучным методом, но как исследователь он сформировался в далеких (с точки зрения интеллектуальной истории совет-

⁹ Magun 2017. С. 218–246; Рыжковский 2017.

¹⁰ Spier 1996; Christian 2004.

¹¹ Cleland 2001, 2002; Currie, Turner 2016. P. 43–46; Turner 2014. P. 494–505.

¹² В таком ракурсе на наследие Поршнева ранее никто не смотрел: Гордон 2005; Кондратьев, Кондратьева 2003. С. 125–162; Рыжковский 2009; Тіханов 2010. P. 330–332.

¹³ Барг 1964. В 1964–1968 гг. Барг и Поршнева – коллеги по Сектору методологии истории в Институте истории АН СССР.

ской России – уже тогда) 1920-х гг., когда структурализм только зарождался в трудах Ф. де Соссюра, а переосмысление статуса исторического знания было еще тесно связано с авторитетом логического позитивизма. Изучая историю общественной мысли России XIX в.¹⁴ в качестве аспиранта секции Новой русской истории РАНИОН под руководством В.И. Невского и параллельно занимаясь работой «на заказ» в виде написания самых разных текстов (от агитационно-публицистических и морально-дидактических брошюр¹⁵ до разгромных рецензий на исторические и литературоведческие работы¹⁶), Поршнев уже тогда начал задумывать большой проект синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания, ключевая роль в котором отводилась именно истории. Еще до того, как волею судеб, в результате увлечения одним частным сюжетом в ходе хаотичной работы «на заказ»¹⁷, Поршнев стал профессиональным франковедом, он умудрился написать внушительный (74 стр.), но так и оставшийся неопубликованным текст «О социальной природе шаманства у якутов»¹⁸, в котором, достаточно вольно обращаясь с этнографическим материалом, впервые формулирует каркас своей теории, которая разовьется впоследствии в большой историософский проект «Критики человеческой истории». Первые наброски этого проекта будут сделаны в 1938 г., в рукописях монографии «История и философия», работа над которой будет продолжаться до 1954 г., но ей тоже не суждено будет увидеть свет. Хотя проект останется незавершенным, все, что Поршнев публикует с этого времени, представляет собой небольшие шаги на пути его реализации. До конца жизни Поршнев вел начатый еще в 1946 г. «научный дневник»¹⁹, в котором он зафиксировал самые смелые свои идеи и размышления, заставляющие взглянуть на опубликованное наследие в новом свете и под иным углом.

Говоря о Поршневе, необходимо иметь в виду, что он представлял собой интеллектуала формации 1920-х гг., что в годы его творческой активности уже выглядело старомодно. Для исторической науки этот

¹⁴ В частности, с «Истории Бакунина и бакунизма». Эта работа, поданная в качестве вступительной, хоть и получила максимальную оценку, опубликована впоследствии не была; ее рукопись также не сохранилась. См.: Кондратьева 2016. С. 161.

¹⁵ Поршнев 1926.

¹⁶ Рецензии на литературоведческие работы Б.Ф. Поршнев писал под псевдонимом «В. Пушин». См.: Пушин 1934; Пушин 1935; Поршнев 1935б.

¹⁷ В 1932 г. издательство «Academia» предложило Поршневу написать комментарии и предисловие к переводу на русский язык мемуаров кардинала Реца, освещающих события эпохи Фронды. Эту работу Поршнев так и не закончил (перевод выйдет позже – и с предисловием Ю.Б. Виппера), но именно с этого времени начинается его серьезное увлечение историей Франции.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 218-292.

¹⁹ В архиве Поршнева сохранилось три тома рукописей его «научного дневника». – НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 15, 16, 17.

период характерен интенсификацией интеллектуальной деятельности по переосмыслению ее фундаментальных категорий и оснований. С одной стороны, это время возникновения школы «Анналов», с другой – последний пик увлечения большими историософиями в духе О. Шпенглера или А. Тойнби, с третьей – пора переосмысления методологических оснований историописания в ходе рецепции деятельности «Венского кружка». Все эти направления мысли объединяет одно – критика традиционного позитивистского историописания в смысле стремления к переопределению статуса исторического знания в системе «наук о духе», вплоть до выведения исторической дисциплины из этой системы путем отрицания неокантианского разделения наук на номотетические и идеографические. В СССР же сциентистский утопизм был вызван постреволюционной эйфорией и оказался тесно связан со стремлением новой власти легитимировать себя и свою деятельность апелляцией к «научности», придавая науке необычайно высокий статус²⁰. В сочетании с технологическим оптимизмом и верой в прогресс эпоха 1920-х гг. породила таких уникальных исследователей, как, скажем, А.А. Богданов²¹, для которых идея, определяющей их научную деятельность, вполне могло стать представление о единстве рода человеческого, требующее научного доказательства и способное стать операциональным инструментом в деле строительства нового общества. Такое представление, имеющее статус аксиомы, а именно – глубоко гегельянская идея «единства человеческой истории», развивающейся как непрерывное превращение противоположностей – определяет и творчество Б.Ф. Поршнева, так никогда и не пожелавшего отказаться от этой философской спекуляции в угоду политическому климату и меняющимся научным «парадигмам».

Попытаться обосновать эту идею Поршневу поможет структурная лингвистика Ф. де Соссюра: советский историк позаимствует из «Курса общей лингвистики»²² понятия *синхронии* и *диахронии*, чтобы приложить их к истории международных отношений и классовой борьбы в Европе XVII в. Соссюр использовал эти понятия для различения исторической и дескриптивной лингвистики: по его мнению, «диахроническое» исследование языка должно базироваться на синхронических его описаниях (синхронических срезах) в определенные моменты его эволюции. Найдя это размышление привлекательным для обоснования своего рода синтеза истории и социологии, Поршнева механически переносит эти понятия в сферу, им принципиально чуждую. *Диахроническое* отныне приравнивается к собственно *историческому*, тогда как вера в возможность осуществления больших *синхронических срезов* связана с

²⁰ Gerovitch 2002. P. 29.

²¹ Гельвих 2017. С. 92-101.

²² Соссюр 1999.

представлением об интеллигибельности «общественной структуры» как некой целостности со своими законами. Именно для решения проблемы перехода от описания статичной структуры к ее историческому рассмотрению Поршнев и обращается к антиномии Соссюра.

Историческая «социология международных отношений»

В законченном виде этот «трансфер» категориального аппарата лингвистики оформился в работах Поршнева в начале 1960-х, на волне попыток внедрения в советской науке «структурного метода» для анализа нелингвистических явлений. Поршнев предлагает в качестве структуры для подобного анализа рассматривать, в частности, «систему» международных отношений европейских государств XVII в. Здесь применительно несколько моментов. Следуя по стопам Р. Арона, Поршнев строит *социологию международных отношений*, но только в исторической перспективе. Именно Р. Арон еще в 1954 г. одним из первых поставил вопрос о возможности генерализаций в исследованиях межгосударственной политики²³: он попытался, в частности, придать строгость самому термину *система международных отношений*, вводя различие *биполярных* и *мультиполярных*, *гомогенных* и *гетерогенных* систем. Стремясь *историзировать* концепцию Арона, Поршнев прилагает ее к материалу XVII в., рассчитывая таким образом обосновать свои историко-софские идеи о «единстве человеческой истории», о социальной и политической борьбе как основном факторе развития этого единого организма, как о двигателе исторического процесса. «Вся человеческая история, – пишет он, – росла как средство отодвинуть войну. В ходе истории развивались и возможности, и следствия уравнивания сил»²⁴. «Survivre, s'est vaincre»²⁵ – тезис Арона²⁶, отсылающий к гоббсовской метафоре положения правителей государств как «гладиаторов, направляющих оружие один против другого и зорко следящих друг за другом»²⁷. Вероятно, именно под влиянием Арона доведенная у Поршнева до абсурда идея о классовой борьбе как основном сюжете человеческой истории²⁸ превращается в едва ли не гоббсовскую *bellum omnia contra omnes*²⁹, а рассуждение советского историка о происхождении социальной все более напоминает, в свою очередь, стремление историзировать аисторичную теорию Т. Гоббса. Так, в монографии «О начале человеческой истории» Поршнев упрекает Гоббса за то, что *его* «начала»

²³ Aron 1954. P. 237-251; 1964.

²⁴ Поршнев 1970. С. 11.

²⁵ «Выживать – значит побеждать». В английском переводе для «vaincre» был использован глагол «conquer».

²⁶ И название главы в его книге «Мир и война между нациями». Aron 1964. Ch. XXII.

²⁷ Гоббс 2016. С. 183.

²⁸ О дискуссиях вокруг этой идеи см.: Рыжковский 2009.

²⁹ Подробнее о влиянии Т. Гоббса на творчество Р. Арона см.: Badie 2005. P. 3–15.

человеческой истории вовсе не было «в действительном прошлом»³⁰. Для Гоббса естественное состояние не является исторической данностью, но понимается как потенциальная возможность, сохраняющаяся в наличном общественном состоянии и несущая скрытую угрозу последнему³¹; Поршневу же не склонен рассматривать теорию английского философа в качестве подобного мыслительного эксперимента: напротив, в своем стремлении рассуждать *исторически* он пытается найти конкретную точку на временной оси. Свою концепцию он позиционирует как «альтернативу тенденции ликвидировать историзм в науках о человеке», выступая против «ахронического», или «агенетического» мышления³². Именно историцистский поиск оснований социальности приводит Поршневу к естественнонаучному аргументу, к разысканию *differentia specifica* человека в эволюции его физиологического строения.

Идея о том, что «всякое классово-антагонистическое по внутреннему строению “политическое единство” является в своей внешней политике потенциальным экспансионистом», становится у Поршнева аксиомой, не нуждающейся в доказательстве: «достаточно тезиса, что эта связь имеет всеобщий характер, т.е. не допускает мысли о каких-либо исключениях»³³. Подобного рода заявления способны вызвать у современного читателя ощущение замешательства, тем более, что за тезисом кроется отнюдь не риторическое ухищрение, призванное подвзывать исследование к избитым марксистским постулатам. Отстаивая тезис о том, что история одной отдельно взятой страны невозможна (возможна только «синхронная история разных стран»)³⁴, Поршневу помещает европейские государства в наукообразную понятийно-категориальную сетку. По его мнению, историю Тридцатилетней войны необходимо рассматривать не иначе, как в контексте существования *системы государств*, образующей некое *магнитное поле*, как складывание особых *исторических констелляций*, или результат действия *разнонаправленных сил* между двумя *полюсами* – «реакционной» католической империи Габсбургов и «прогрессивной» протестантской Швецией. Функционирование этой «системы», по мнению Поршневу, во многом зависело от состояния всех ее «элементов», и в качестве главного сюжета для своего исследования он – достаточно неожиданно для человека с репутацией «ортодоксального марксиста» (которым он, впрочем, никогда не был) – избирает роль и влияние Московского государства на ход Тридцатилетней войны. Неожиданно это выглядит потому, что пафос «недооцененной роли» государства Российского в этой войне совершенно перекрывает марксист-

³⁰ Поршневу 2017. С. 47.

³¹ Филиппов 2009. С. 111.

³² Поршневу 2017. С. 25–26.

³³ Он же. 1970. С. 11.

³⁴ Он же. 1969. С. 301–306.

скую риторику, обнаруживая родство Поршнева с мыслителями скорее «правого» толка – не только Арона, но и Карла Шмитта. Дело в том, что здесь Поршнев развивает еще одну аксиому (она присутствует в самых ранних его дневниках) – о том, что дихотомия «мы–они» является основным фактором развития человеческой истории³⁵, в приложении к международным отношениям сильно смахивающую на концепцию «друг–враг» немецкого юриста и политического философа (что, впрочем, вовсе не говорит о том, что Поршнев его читал). Более того, Поршнев здесь даже более радикален, чем Шмитт: если последний понимает политическую противоположность «друг/враг» как пусть и «самую интенсивную, самую крайнюю», но все же экзистенциальную, кроме того, не имеющую отношения к снятию противоположностей «доброе/злое», «прекрасное/безобразное»³⁶, то Поршнев пытается доказать, что противопоставление «мы–они», являющееся (в духе Гоббса и Шмитта) основным фактором возникновения социальности, имеет, ни много ни мало, физиологическую укорененность, и даже ощущения прекрасного и безобразного всегда связаны с различием «своего» и «чужого». Так, опираясь на представления о «принуждении» и «подражании» как глубинных социальных аспектах человеческой психики, заимствованных им из уже тогда основательно устаревших концепций Э. Дюркгейма³⁷ и Г. Тарда³⁸ соответственно, слегка модифицировав их идей об аналогии бинарных структур детского мышления и мышления «первобытных» народов, принадлежащей французскому психологу А. Валлону³⁹, Поршнев приходит к выводу о том, что «критерий красивого, как и критерий морального, всегда содержит порицание и отрицание безвкусного, некрасивого, аморального. Второе не является негативным понятием, оно сплошь и рядом даже более определено, чем первое: грязь, уродство, пролитие крови. Это то, что отождествляется с “чужими”, с “они”». Такая психофизиологическая укорененность бинарности «мы–они» становится основополагающим фактором «человеческой истории», которая, «начиная с первобытности, была всемирной преимущественно в этом, негативном смысле: культура и быт любого племени развивались путем противопоставления своего чужому»⁴⁰. В дальнейшем, согласно концепции Поршнева, наблюдается неумолимый прогресс по пути утверждения «всемирности» исторического процесса – и вот, в XVII в. мы уже видим, как страны, которые могут ровным счетом ничего не знать о су-

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 17. Л. 27.

³⁶ «Врага в политическом смысле не обязательно лично ненавидеть, и лишь в сфере “приватного” имеет смысл любить “врага” своего, т.е. противника». Шмитт 2016. С. 304.

³⁷ Дюркгейм 1991. С. 421.

³⁸ Тард 2011.

³⁹ Wallon 1945. P. 104–105.

⁴⁰ Поршнев 1979. С. 210; 1970. С. 12.

существовании друг друга, включаются в некую общую «игру», оказывая влияние на общую расстановку сил. Так, для Московского государства *естественным* противником – «врагом» в подлинно шмиттианском смысле – внезапно оказываются Габсбурги, состоящие в союзе с Польско-Литовским государством, с которым у Москвы очень кстати имеется территориальный спор; поскольку основным противником этого католического блока на определенном этапе оказывается шведский король, для московского православного государя, рассуждает Поршневу, становится *совершенно естественным* искать союза с протестантской Швецией; более того, отныне все, что происходит на «восточном барьере», *должно* непосредственно влиять на ход Тридцатилетней войны в Европе. Именно потому, что аксиоматическая структура рассуждения Поршнева приводит его к выводам относительно *закономерной необходимости*, он вынужден *искать* подтверждения своим теориям. Поразительным образом статус закона оказывается в этой системе координат практически неприкосновенным. Поршневу всячески пытается обосновать это рассуждение при помощи исторических источников. Можно сказать, что таким образом он доводит до крайности тезис А.-И. Марру о том, что логический приоритет в историческом исследовании принадлежит не документу, а *вопросу*, поставленному историком⁴¹.

Таким образом, аксиомы становятся для Поршнева критерием отбора материала и руководством к его интерпретации. В этом заключается особенность его стратегии сциентизации исторического знания. Она здесь – удобный инструмент, который позволяет создавать такой исторический нарратив, который недоступен «обыкновенному» историку.

Исторический «эксперимент»

Этот вывод подтверждается и при обращении к концепции «исторического эксперимента», разработанной Поршневым. Заимствуя у Арона понятие *перспективы* и придавая ему статус инструмента «строго научного характера», он пытается ввести в историописание практику *мыслительного эксперимента*, не отличающегося по своему значению и статусу от эксперимента в физике. Примечательно экстравагантное выступление Поршнева на конференции 1964 г., посвященной переосмыслению теоретических оснований исторической науки в сторону повышения градуса ее «научности», в котором он заявил о необходимости отбросить представления, «сближающие историческое познание с эстетическим и тем самым противопоставляющие его естественнонаучному», а для этого – признать, что понятие эксперимента, подразумевающее произвольное изменение условий протекания наблюдаемого процесса, можно и нужно использовать в историческом исследовании, так как «нет принципиального отличия, если историк, поскольку менять

⁴¹ Marrou 1975. P. 64–91. Первое издание этой работы вышло в 1954 г.

прошлое невозможно, выбирает нужный для его цели пример, т.е. рассматривает процесс то при одних, то при других условиях»⁴². Поршнев легитимирует сослагательное наклонение в истории. Парадоксальным образом то, что для любого историка является серьезным отклонением от научной⁴³ строгости, становится у Поршнева ее образцом: именно здесь понятие «научности» наполняется строго сциентистским содержанием. Фактически, Поршнев говорит о т.н. *квази-эксперименте*, принятом на вооружение в то время, в частности, в политической науке⁴⁴.

Поршнев попытался реализовать эту программу следующим образом. Обозначив ряд возможных «перспектив» развития Тридцатилетней войны, т.е. фактически введя пресловутое «если бы» в ткань своего исследования, он скрупулезно просчитывает логику возможных сценариев с целью установить, какой из них был наиболее закономерен, т.е. наиболее отвечал естественному ходу развития «человеческой истории». Поскольку последняя понималась – снова аксиоматически – в гегелевском духе, как борьба противоположностей, переход от рабства природного состояния к свободе «конца истории», проходя поэтапно через смену общественно-экономических формаций в процессе классовой борьбы (что также оказывается связано с концепцией «мы–они» и что автор снова пытается обосновать при помощи естественнонаучного аргумента как физиологически укорененную необходимость), Поршнев считает таким «естественным» сценарием *несостоявшуюся* победу *несостоявшегося* блока «прогрессивной» антигабсбургской коалиции со Швецией, Францией и Россией. Само наличие Российского государства на востоке, по мнению Поршнева, оказывало влияние на политику центрально-европейских правителей, определяя ход Тридцатилетней войны, которая интересует его потому, что была «первой всеевропейской войной»⁴⁵, что делает ее наиболее репрезентативной для обоснования его идеи исторической синхронии. Перед нами – исследование перспективы, не реализовавшейся по случайному стечению обстоятельств, из-за вмешательства модифицировавшей закономерный ход исторического процесса акциденции; перспективы, потенциально возможной в «магнитном поле» *системы* европейских государств XVII в. Эта война сопровождалась, по мнению Поршнева, значительным подъемом народных движений едва ли не во всех европейских странах. «Прогрессивный блок», по его мнению, мог бы победить только в том случае, если бы сумел канализировать недовольство народных масс. Апофеозом доказательной аргументации для Поршнева в этом сюжете становится анализ встречи Гоббса, Декарта и Гассенди в Париже накануне Фронды, *о содержании которой*

⁴² История и социология... С. 154.

⁴³ В том значении, которым это слово обладает в русском языке.

⁴⁴ Singer 1977. P. 1-22; Campbell, Stanley 1966. P. 3.

⁴⁵ Поршнев 1976. С. 8.

не осталось никаких свидетельств⁴⁶, он размышляет над перспективой, которая могла бы реализоваться, если бы этому «материалистическому Олимпу» удалось предложить Фронде идеологию и программу действий⁴⁷. «Соединение имен, – пишет Поршнев, – если бы (курсив мой. – А.А.) оно стало стойким, было бы манифестом самой передовой и сильной научно-материалистической идеологии. Это не было абсолютно невозможным»⁴⁸. В этом свете мимоходом брошенные Поршневым слова о том, что «нам надо заставить (курсив мой. – А.А.) заговорить сами источники»⁴⁹, кажутся уже не столь безобидными, отсылая к диктату теории, лежащему в основе его исследовательской программы.

Почему становятся возможными этот диктат, эти аксиомы и «исторические эксперименты» с перспективами? Более того – как они становятся возможными в условиях стремления к научной строгости? Мы видим, что структуралистская идея синхронии, призванная теоретизировать и «онаучить» практику историописания, оказывается лишь механизмом, легитимирующим самые неожиданные мыслительные ходы. Она позволяет, и более того, требует обнаружения связей там, где они не являются очевидными и не верифицируются документально. Она становится органичной частью аксиоматической структуры аргумента. Симптоматично, что Поршнев иллюстрирует свое видение структурной истории международных отношений, используя метафору диспозиции шахматных фигур на доске, выдавая эту метафору за «модель подвижной структуры»: убирая одну из фигур, мы изменяем «значимость всех остальных фигур на доске». Тех, кого не устраивает такое сравнение, он пытается убедить аналогией с естественнонаучным методом, предлагая взглянуть на систему небесных тел: «зная орбиты, скорость и массы всех тел, кроме одного, можно описать неизвестное нам тело, хотя его никто не наблюдал»⁵⁰. Таким образом, перед нами механизм производства убедительности посредством апелляции к естественнонаучному аргументу, парадоксальным образом работающий в обратном направлении – в сторону размывания аргументативной структуры понятий и метафоризации терминологического аппарата. Заимствованные у Соссюра понятия «синхронии» и «диахронии» механически трансплантируются

⁴⁶ Сам факт этой встречи Поршнев никак не удосуживается подтвердить: в этом месте просто отсутствует какая-либо сноска. Впрочем, для аксиоматической логики его рассуждения это действительно не имеет значения.

⁴⁷ Доказательство масштабности народных восстаний накануне и во время Фронды – основная тема ключевой монографии Поршнева, удостоенной Сталинской премии. См.: Поршнев 1948.

⁴⁸ Поршнев 1970. С. 54.

⁴⁹ Там же. С. 61.

⁵⁰ Там же. С. 25.

в чужеродную им среду и не выдерживают акклиматизации – они попросту не функционируют. Можно сказать и по-другому – они в историческом нарративе функционируют исключительно как *метафоры*.

К середине 1950-х гг. «world/universal history» становится очередным модным трендом: под эгидой ЮНЕСКО начинает работать «Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества», организовавшая выпуск периодического издания «*Cahiers d'Histoire Mondiale*»; историки все чаще стали говорить о научной важности изучения «единой человеческой истории», о культурном развитии человечества как результате усилия всех людей и народов⁵¹. Поворот Поршнева в этом направлении приходится на то же время. Если в тексте, написанном в 1954 г. и вошедшем в качестве главы в коллективную монографию, посвященную Английской революции⁵², он только нащупывает пути для применения идеи «синхронии», пытаясь обнаружить сходства между событиями в Британии и Фрондой во Франции, доказывая родство политической программы левеллеров и ормистов, продолжая развивать идею о стихийной силе, грозившей существованию европейских монархий, бывшую лейтмотивом его монографии о «Народных движениях во Франции», то в последующих статьях 1960-х гг., сложившихся в итоге в цитированные здесь работы по истории международных отношений XVII в., Поршневу уже прибегает к самым смелым и оригинальным теоретическим обобщениям. Впрочем, его построения не вызвали большого энтузиазма у коллег, а явная претензия на роль главного методолога советской исторической науки⁵³ осталась лишь претензией. Более того – энтузиазм в отношении сциентизации миновал довольно быстро. Показателен в этом смысле сборник «Философские вопросы исторической науки», среди авторов которого отсутствует какой-либо консенсус относительно проблемы «онаучивания» исторического знания, которой этот сборник и был посвящен: Поршневу оказывается единственным, кто выступает за сциентизацию исторического знания по естественнонаучному образцу; ряд авторов отстаивают позицию «не-

⁵¹ Barraclough 1955; Omodeo 1955; Febvre 1953. P. V;

⁵² Поршневу 1954. С. 71–89.

⁵³ О том, что такие претензии у Поршнева были, свидетельствуют заметки в «научном дневнике»: так, в 1951 г. он пишет: «Наука – это не только познание объективного мира, но всегда социальная, т.е. межчеловеческая борьба. Познание объективного мира и есть могущественнейшее средство межчеловеческой борьбы. Всякая новая установленная научная истина есть удар, нанесенный по чьему-либо авторитету – по авторитету того, кто думал и учил, то есть заставлял думать иначе. [...] Сила «учителя» в его авторитете, а авторитет подрывается даже одной ошибкой, т.е. авторитет совсем не пропорционален качеству истины, высказанной человеком; авторитет неделим. [...] Наука в этом смысле всегда есть социальная война, [...] война против социально-сильных авторитетов». НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 17. Л. 10.

естественнонаучной научности», что фактически означает отказ от курса на сциентизацию. Наиболее ярко эту позицию выражает П.П. Гайдено, заявляя о том, что «рассматривать мир, учитывая также и человека как реальность» означает «перестать ориентироваться в исторических и – шире – гуманитарных науках на естественнонаучные модели»⁵⁴. «Законы истории» *противопоставляют* законам природы А.В. Гулыга, А.Я. Гуревич, А.И. Ракитов⁵⁵ и др. Достаточно сравнить эти заявления с оптимистической риторикой докладов на конференции 1964 года, посвященной «методологическим вопросам исторической науки», опубликованных в сборнике «История и социология»⁵⁶, чтобы понять: сциентизация как феномен «научной моды» теряет свою актуальность; отныне попытки реконфигурации исторического знания по модели естественных и точных наук (как и в предшествующий, «дооттепельный» период) снова становятся уделом энтузиастов вроде Б.Ф. Поршнева. Однако равноценного по амбициозности проекта сциентизации, подобного идее создания новой «естественной науки о человеке» в рамках «Критики человеческой истории», в советской историографии больше не появилось. Плодотворнее всего оказалась стратегия «умеренной сциентизации» истории в лице клиометрики, претендующей на роль не более чем очередной исторической субдисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив Российской Академии Наук. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 218-292.
 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 684. Оп. 27. Д. 15, 16, 17.
- Барг М.А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопросы философии. 1964. №10. С. 83-92 [Barg M.A. Strukturnyj analiz v istoricheskom issledovanii // Voprosy filosofii. 1964. №10. S. 83-92]
- Гайдено П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские вопросы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.В. Левада. М.: Наука, 1969. [Gajdenko P.P. Kategoriya vremeni v burzhuaznoj evropejskoj filosofii istorii XX veka // Filosofskie voprosy istoricheskoj nauki / Отв. red. A.V. Gulyga, Yu.V. Levada. M.: Nauka, 1969]
- Гельвих А.В. «Пролетарская наука» А.А. Богданова: коммуникативная утопия на службе утопии социальной // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 92–101 [Gel'vih A.V. «Proletarskaya nauka» A.A. Bogdanova: kommunikativnaya utopiya na sluzhbe utopii social'noj // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoticheskie nauki. 2017. № 4. S. 92–101]
- Гемпель К. Функция общих законов в истории // Он же. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 16-31 [Hempel K. Funkcija obshchih zakonov v istorii // Logika ob'yasneniya. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. S. 16-31]
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Рипол-классик, 2016 [Hobbes T. Leviathan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. M.: Ripol-klassik, 2016]

⁵⁴ Гайдено 1969. С. 262.

⁵⁵ Гулыга 1969. С. 7–50; Гуревич 1969. С. 51–79; Ракитов 1969. С. 161–185.

⁵⁶ История и социология...

- Гордон А.В. Поршнев: впечатления и размышления // Французский ежегодник 2005. – М.: КомКнига, 2005. С. 43-62 [Gordon A.V. Porshnev: vpechatleniya i razmyshleniya // Francuzskij ezhegodnik 2005. M.: KomKniga, 2005. S. 43-62.]
- Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М.: Высшая школа, 1961 [Grushin B.A. Ocherki logiki istoricheskogo issledovaniya. Process razvitiya i problemy ego nauchnogo vosproizvedeniya. M.: Vysshaya shkola, 1961]
- Гулыга А.В. История как наука // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 7–50 [Gulyga A.V. Istoriya kak nauka // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 7–50]
- Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 51–79. [Gurevich A.Ya. Ob istoricheskoy zakonomernosti // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 51–79]
- Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛЮ, 2018 [Daston L., Galison P. Ob'ektivnost'. M.: NLO, 2018]
- Дастон Л. Научная объективность со словами и без слов. Наука и научность в исторической перспективе. СПб: ЕуСПб, Алетейя, 2007. С. 37-71 [Daston L. Nauchnaya ob'ektivnost' so slovami i bez slov. Nauka i nauchnost' v istoricheskoy perspektive. SPb: EuSPb, Aleteya, 2007. S. 37-71]
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991 [Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1991]
- История и социология / Под ред. В.В. Альтмана, В.А. Куманева. М.: Наука, 1964 [Istoriya i sociologiya / Pod red. V.V. Altmana, V.A. Kumaneva. M.: Nauka, 1964.]
- Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984 [Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: ucheb. posobie / pod red. I.D. Koval'chenko. M.: Vysshaya shkola, 1984]
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука убеждать, или Споры советских историков о французском абсолютизме. М.: Мандр и К, 2003. С. 125-162 [Kondrat'ev S.V., Kondrat'eva T.N. Nauka ubezhdat', ili Spory sovetskikh istorikov o francuzskom absol'yutizme. M.: Mandr i K, 2003. S. 125-162]
- Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия "История. Филология". 2016. No. 1 [Kondrat'eva T.N. Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bol'shogo puti // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filologiya". 2016. No. 1]
- Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в Институте истории РАН ИОН // Европа: Международный альманах. Вып. X. Тюмень: Изд. ТюмГУ, 2011. С. 152–153 [Kondrat'eva T.N. Boris Fedorovich Porshnev: ucheba v Institute istorii RANION // Evropa: Mezhdunarodnyj al'manah. Vyp. X. Tyumen': TyumGU, 2011. S. 152–153]
- Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: Научная мысль и социальная реальность // Советская историография / под ред. Ю. Афанасьева. М., 1996 [Medushevskaya O.M. Istochnikovedenie v Rossii XX v.: Nauchnaya mysl' i social'naya real'nost' // Sovetskaya istoriografiya / pod red. Yu. Afanas'eva. M., 1996]
- Поршнев Б.Ф. Английская революция и современная ей Франция // Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 71-89 [Porshnev B.F. Anglijskaya revolyuciya i sovremennaya ej Franciya // Anglijskaya burzhuznaya revolyuciya XVII veka. T. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. S. 71-89]
- Поршнев Б.Ф. Горсоветы и работница. М., Л.: Гос. изд-во, 1926 [Porshnev B.F. Gorsovety i rabotnica. M., L.: Gos. izd-vo, 1926]
- Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 301–306 [Porshnev B.F. Myslim li istoriya odnoj strany? // Istoricheskaya nauka i nekotorye problemy sovremenosti. Stat'i i obsuzhdeniya. M., 1969. S. 301–306]
- Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: Изд-во АН СССР. 1948 [Porshnev B.F. Narodnye vosstaniya vo Francii pered Fronдой (1623–1648). M.: Izd-vo AN SSSR. 1948]
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Академический проект, 2017 [Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. M.: Akademicheskij proekt, 2017]

- Поршнеv Б.Ф. Рецидив абстрактного социологизирования // Книга и пролетарская революция. 1935. No. 3. С. 26–29 [Porshnev B.F. Recidiv abstraktnogo sociologizirovaniya // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1935. No. 3. S. 26–29]
- Поршнеv Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979 [Porshnev B.F. Social'naya psihologiya i istoriya. 2-e izd. M.: Nauka, 1979]
- Поршнеv Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976 [Porshnev B.F. Tridcatiletnyaya vojna i vstuplenie v nee Shvecii i Moskovskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1976]
- Поршнеv Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970 [Porshnev B.F. Franciya, Anglijskaya revolyuciya i evropejskaya politika v seredine XVII v. M.: Nauka, 1970]
- Пушин В. Изысканно-опошленный Данте // Книга и пролетарская революция. 1935. No. 3. С. 87–90 [Pushchin V. Izykanno-oposhlennyi Dante // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1935. No. 3. S. 87–90]
- Пушин В. Рецензия: Наукообразный труд // Книга и пролетарская революция. 1934. No 6. С. 81–85 [Pushchin V. Recenziya: Naukoobraznyj trud // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1934. No 6. S. 81–85]
- Ракитов А.И. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 161–185 [Rakitov A.I. K voprosu o strukture istoricheskogo issledovaniya // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 161–185]
- Рыжковский В. Был ли у русской революции свой Гегель? Борис Поршнеv и его «Критика человеческой истории» // Гефтер. 2017 [Ryzhkovskiy V. Byl li u russkoj revolyucii svoj Hegel? Boris Porshnev i ego «Kritika chelovecheskoj istorii» // Gefter. 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/22681>]
- Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО, 2009. №87 [Ryzhkovskiy V. Sovetskaya medievistika and Beyond (k istorii odnoj diskussii) // NLO, 2009. №87. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ry4.html>]
- Соссюр Ф. де Курсе общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун.-та, 1999 [Saussure F. Kurs obshchej lingvistiki. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un.-ta, 1999]
- Тард Ж.Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011 [Tarde G. Zakony podrazhaniya. M.: Akademicheskij proekt, 2011]
- Федосеев П.Н., Францев Ю.П. О разработке методологических вопросов истории // История и социология / Под ред. В.В. Алтмана, В.А. Куманева. М.: Наука, 1964 [Fedoseev P.N., Francev Yu.P. O razrabotke metodologicheskikh voprosov istorii // Istoriya i sociologiya / Pod red. V.V. Altmana, V.A. Kumaneva. M.: Nauka, 1964]
- Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009 [Filippov A.F. Aktual'nost' filosofii Gobbsa // Sociologicheskoe obozrenie. T.8. №3. 2009]
- Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016 [Schmitt C. Ponyatie politicheskogo. SPb.: Nauka, 2016]
- Aron R. De l'analyse des constellations diplomatique // Revue française de science politique. 1954. Vol. 4. No. 2. P. 237-251.
- Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1964.
- Badie B. Raymond Aron, penseur des relations internationales. Un penseur «à la française»? // Études du CEFRES. 2005. No. 5. P. 3–15.
- Barraclough G. History in a Changing World. Oxford: Basil Blackwel, 1955.
- Campbell D., Stanley J. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research. Boston: Houghton Mifflin Co., 1966.
- Christian D. Maps of Time: an Introduction to Big History. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Hempel G.G. Aspects of Scientific Explanation. N.Y.: Free Press, 1965.
- Cleland C. Historical science, experimental science, and the scientific method // Geology. 2001. Vol. 29. No. 11. P. 987–990.
- Cleland C. Methodological and Epistemic Differences between Historical Science and Experimental Science // Philosophy of Science. 2002. Vol. 69, No. 3 P. 447-451.
- Currie A., Turner D. Introduction: Scientific knowledge of the deep past // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 2016. Vol. 55. P. 43–46.

- Gerovitch S. From Newspeak to Cyperspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge (MA): The MIT Press, 2002.
- Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, 1953.
- Kozlov D. Athens and Apocalypse: Writing History in Soviet Russia // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / Ed. by A. Schneider, D. Woolf. Oxford: Oxford UP, 2011. P. 378.
- Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / Ed. by A. Schneider, D. Woolf. Oxford: Oxford UP, 2011.
- Magun A. Boris Porshnev's Dialectic of History // Stasis, 2017, №2 (5). С. 218-246.
- Marrou H.-I. De la connaissance historique. 6 éd. Paris. Seuil, 1975. Ch. 3. P. 64–91.
- Novick P. That Noble Dream. The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge UP, 1988.
- Omodeo A. Il senso della storia. Einaudi, 1955.
- Rethinking Objectivity / Ed. by A. Megill. Durham: Duke UP, 1994.
- Singer D. The Historical Experiment as a Research Strategy in the Study of World Politics // Social Science History. 1977. Vol. 2. No. 1. P. 1-22.
- Spier F. The Structure of Big History: from the Big Bang until Today. Amsterdam: AUP, 1996.
- Tihanov G. Continuities in the Soviet Period // A History of Russian Thought / Ed. by W. Leath-erbarrow, D. Offord. Cambridge: CUP, 2010. P. 311-339.
- Turner D. Philosophical Issues in Recent Paleontology // Philosophy Compass. 2014. Vol. 9. No. 7. P. 494–505.
- Wallon H. Les origines de la pensée chez l'enfant. T. 1. Les moyennes intellectuels. P.: PUF, 1945.

Афанасьев Антон Николаевич, стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поляева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; anafanasiev@hse.ru

History as a strict science: an experience of scientization of historical knowledge in the works by B.F. Porshnev

This article examines the process of history scientization experience in the USSR based on Porshnev's concept of international affairs in the period of the Thirty Years' War. The author traces the connection between this concept and structuralism, as well as the roll-call between its historiography and T. Hobbes' (the problem of the emergence of sociality), C. Schmitt's (the idea of "friend-enemy") and R. Aron's (sociology of international relationships) theories. In the course of the analysis of the argumentative structure of natural-science implication, B.F. Porshnev's theory (concepts of "synchrony" and "diachrony" of the historical process, the concept of "historical experiment"), which is characterized as axiomatic, the author concludes that Porshnev's persistent desire for scientific rigor and rigidity of the conceptual-categorical apparatus leads to the opposite effect – the metaphORIZATION of language.

Keywords: B. Porshnev, scientization, structuralism, historical experiment, Thirty Years' War
Anton Afanasiev, researcher, Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; anafanasiev@hse.ru